

12+

ДРАКОН ВОЗДУХА
Галина Тевкин

Галина Тевкин

Дракон Воздуха

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44528691

SelfPub; 2019

Аннотация

Главный герой – мальчик Ли, родившийся с определенными духовными задатками в семье Великого Господина. Но по каким-то обстоятельствам, он оказался не на своём месте. В детстве Ли упускает связь со своим Покровителем – серебристым Драконом. С того дня он пытается самоопределиться – кто он, где его место в семье и в этом мире. Жизнь мальчика постоянно находится под угрозой смерти. Справится ли он с испытаниями судьбы, встретится ли он со своим Драконом Воздуха?

Содержание

I	8
II	17
III	28
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Людвиг ван Бетховен
Соната 23

*Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь.*
Федор Тютчев

На полупустой плохо освещенной парковке машины не оказалось.

???

– Я точно не помню, видимо, номера уровней не совпадают с номерами стоянок.

Двери огромного лифта вновь бесшумно сомкнулись за спиной. Наконец сигнализация сработала – машина отозвалась перемигиванием фар.

– Вот она – за тем Land Rover’ом.

– Ты хочешь вести?

– Да, только что-то плохо видно. Подсказывай, как выехать.

– Ладно, давай по стрелке, видишь «Выход»? Налево, налево... налево, еще раз лево, а теперь... направо.

Машина чуть не уперлась носом в ограждающий бортик парковки.

– Где-то промахнулись. Попробуем еще.

...Лево, лево... еще лево... право...

Далеко внизу, отдаленная несколькими уровнями парко-

вок, течет неспешная ночная жизнь аэродрома. Небольшая очередь пустых такси, редкие огоньки машин obsługi на летном поле, сонные темные туши громадных животных-самолетов – отсюда они кажутся игрушечными – теряются в пульсирующем сумраке.

Где-то совсем вдалеке небо освещается огнями бессонного города. Перекрытия верхнего уровня тяжелой массой нависают над головой. Только этот просвет между высоким бортиком ограды и следующим уровнем да еще дверь лифта...

– М... м... да, у нас еще целых полбака...

– Не хотелось бы тратить весь бензин здесь... Лево... лево... лево... и право.

Машина снова плавно подкатила к той же стене...

– Может, стоит ущипнуть друг друга?..

– Каждому непорядку можно найти объяснение.

– Хотелось бы мне сейчас глотнуть чего-нибудь погорячее...

– «Все любят погорячее», но думать-то все равно надо...

– Там, когда поворачиваем «право», что-то проскакиваем...

И... Снова машина у того же ограждения...

– Может быть, мы и не едем?!

– ???

– Ну, просто сидим и разговариваем о том, о сем, а время идет. А что? Не холодно, никого нет, можно спокойно пого-

ворить...

– Слушай, я понимаю, поздно, мы оба устали. Постарайся ехать еще медленнее и смотри вместе со мной...

– Ну, так и быть. Совсем не хочется здесь ночевать... Лево... лево... лево... право...

– Там, там... еще раз «право», – был съезд!!

– Ну да, не доезжая до стены еще раз резко «право»!

Безжизненное мелькание неона на серо-желтой размытости стен. Жалобный всхлип тормозов...

– Это же надо!!

– Давай еще раз!!

– Ну, Боженька, помоги!!

* * *

Я родился в год Дракона Воздуха. Как у всякого, кому посчастливилось прийти в этот мир под сенью блистательных крыл, у меня должен был быть гордый и независимый характер, гибкий и быстрый разум, открытый для знаний, и способность развивать разнообразные навыки и умения.

Да и обстоятельства моего рождения сулили мне, как это и подобало, высокое, даже недостижаемо высокое положение и власть. Как, почему пророчества перестали сбываться, в какой момент жизнь увела меня в сторону от предназначенного пути?

С ранних лет я любил небо – стихию моего Великого По-

кровителя. Я мог часами наблюдать за, казалось бы, незаметными изменениями его блистательной голубизны, за нагромождениями или тонким рисунком облаков видел знакомые образы и картины. Постепенно, продвигаясь в своем познании крошечными шажками, я научился чувствовать воздух – различал его запах и вкус, я слышал шум перемещающихся относительно друг друга в далекой вышине огромных воздушных потоков, ощущал их тяжесть и мощь.

Очень часто мне казалось, что вот еще чуть-чуть, совсем немного – и там, за пышной грядой облаков, или там, между бешено проносающимися потоками воздуха, я увижу его – моего Покровителя. Казалось мне даже, что я вижу, различаю прозрачный абрис его прекрасного тела, слышу шелест его крыл.

Но проходили мгновения радостного сосредоточения, мгновения упоения силой и красотой, и жизнь возвращалась к своим серым низменным проблемам, и не было никого, способного понять и поддержать, объяснить и пойти вместе.

Вот и сейчас как я нуждаюсь в его помощи... Неужели никогда не увижу я воочию Блистательного Господина Воздуха, никогда не услышу его прекрасный голос... Каким путем пойти мне по жизни... Хватит ли у меня сил...

I

Этот день, вернее, события этого дня навсегда врезались мне в память. Были и более ранние, смутные, отрывочные воспоминания – высокий щебечущий голос Госпожи Матери, тепло ее рук, сладко-привычный запах ее одежды, лицо моей нянюшки – прислужницы Хэ, веселый ветерок с запахом цветущих деревьев, поднимающий все выше и выше легкого серебристого Дракона.

Я крепко держу веревочку, не отрывая глаз от его то плавных, то резких попыток высвободиться, взмыть еще выше, улететь еще дальше. Я так поглощен, очарован этим волшебным зрелищем, ведь у меня на глазах легкая серебряная бумага превращается в полного жизни, рвущегося на волю прекрасного моего Покровителя.

Хэ всегда, всегда рассказывала мне о нем – могучем и прекрасном Драконе Воздуха. Я родился под его знаком, и он будет покровительствовать мне, и вся моя счастливая длинная жизнь пройдет под сенью его светлых крыл – так выходило из ее рассказов и песен.

Увлеченный тем, что происходит там, в глубине неба, я совсем забыл о веревочке, о том, что хозяин судьбы должен крепко держать свое счастье, и в какой-то момент, подхваченный порывом ветра, Дракон резко рванулся... и в моих детских ладошках не осталось ничего!

Я помню, как горько плакал, размазывая по лицу горячие соленые слезы, помню, как тихонечко плакала, прижав меня к себе слабыми руками, Госпожа Мать, как Хэ, расстроенная, но сохранившая самообладание, сердито выговаривала ей, а меня старалась успокоить и отвлечь, уверяя, что Дракон на меня не обиделся и еще вернется, и закармливала любимыми мной сладкими лепешками.

Я видел себя играющим палочками на полу в самом веселом лучшем месте комнаты – под столбом дневного света, падающим из отверстия в потолке¹. Но все это были отрывистые, разрозненные воспоминания. По-настоящему, связно я начал помнить и понимать себя только с этого дня, с этого неожиданного поразившего меня посещения.

День начался как обычно: Хэ долго одевала и красила Госпожу Мать. Я всегда с удивлением и внутренним страхом следил за тем, как любимое ласковое лицо, вся моя дорогая Госпожа Мать прямо у меня на глазах превращается в неподвижно-отстраненную незнакомку – только ясный голосок успокаивал и подбадривал меня. И в этот раз я не разразился безутешными рыданиями, ведь был уже достаточно большим, чтобы понять, что это не какая-то чужая враждебная женщина, а моя милая Госпожа Мать, неизвестно почему спрятавшаяся под этой не приятной мне маской.

Потом Хэ принесла еду. Еще долгое время я не подозре-

¹ В интимных помещениях дворца, где содержалась семья, не делали окон и свет в них проникал через особые отверстия в крыше.

вал и не задумывался, как и откуда она берется. К нам в комнату Хэ приносила разные кушанья в горшочках и мисочках, и мы медленно и прилично, как учила Госпожа Мать, поблагодарив предварительно духов предков, ели. Прислуживавшая нам Хэ (я никогда не видел, чтобы она ела) уносила грязную посуду и остатки еды.

После этого по запутанным переходам (Госпожа Мать почему-то не любила, я чувствовал, что даже боялась, встречаться с другими обитателями Дворца: когда мы случайно встречались с какой-нибудь неподвижно-разряженной, с лицом, повторяющим «маску» Госпожи Матери, женщиной, почтительно следовавшая за Госпожой Матерью Хэ всегда прикрывала меня полами своей простой одежды) мы выходили в маленький, огороженный со всех сторон высокой стеной садик. Здесь в самом центре росло красивое грушевое дерево, а у его корней на крошечном клочке травы мне разрешали искать и рассматривать небольших жучков. Госпожа Мать в своих сложных одеждах обычно усаживалась в тени под самой стеной, а мы с Хэ проводили несколько веселых, занимательных часов, предаваясь простым и скромным забавам.

В этот же день Хэ даже не успела убрать после еды, как дверь в нашу комнату распахнулась. Испуганная, трепещущая Госпожа Мать встала, сохраняя видимую невозмутимость – на ее лице-маске ничего не отразилось. Хэ, поспешно задвинув в угол посуду, сама схоронилась в тихом сумра-

ке. Я, снедаемый любопытством – никогда никто не приходил к нам в комнату, – примостился за спиной Госпожи Матери, жадно впитывая происходящее. Комната стала совсем малюсенькой, когда человек в сверкающих одеждах остановился, повелительным знаком приказав окружающим его людям отступить назад.

Никогда еще я не видел такого блеска и великолепия. Стараясь получше рассмотреть величественную фигуру в затканном изображением Дракона одежде (Дракон по праву принадлежал мне – Хэ удалось накрепко вбить эту мысль в мою детскую голову), я невольно выглянул, вытянув шею из-за склонившейся в нижайшем поклоне Госпожи Матери.

Человек что-то тихо сказал, не меняя своей величественной позы, и тотчас стоявший справа от него человек с маленьким блестящим жезлом вытащил меня на середину комнаты и поставил на небольшую, неизвестно откуда взявшуюся скамеечку перед важным человеком.

Теперь я мог хорошо и подробно рассмотреть его сложный богатый наряд и даже вытянул руку, чтобы коснуться пальцем одного из взлетающих Драконов – искусно вышитые изображения Драконов притягивали меня. В отличие от Госпожи Матери и Хэ, я не чувствовал ни страха, ни робости. Но это пока мои глаза вслед за поднимавшимся по одежде Драконом не поднялись достаточно высоко и не встретились с направленным на меня изучающим колючим взглядом.

Никогда больше не пришлось мне так смотреть в эти гла-

за, проникнуть в тайные, неподвластные смертному глубины. Не однажды в течение жизни вспоминая эти глаза, стремился я понять их, постичь значение этого взгляда. Может быть... может быть, пойми я, о чем вопрошали, что сулили они, вся моя жизнь сложилась бы иначе...

Но пока любопытные блестящие глаза шестилетнего ребенка встретились с изучающими, бесстрастными в сознании своего величия глазами Великого Господина – Сына Неба. Всего одно мгновение – я даже не успел как следует испугаться – и я снова стою на полу. Блестящий хвост вельмож медленно полз через низенькие двери нашей, сразу ставшей еще более темной и маленькой комнаты. Я так увлекся, рассматривая их все еще согнутые в почтительном поклоне спины, что не сразу обратил внимание на Хэ, хлопчущую у бездыханно лежащей на полу Госпожи Матери. Вот когда я испугался по-настоящему! Я плакал и, видимо, мешал Хэ – впервые в жизни сердитым голосом она приказала мне отойти в сторону и не мешать ей.

Она сняла с моей Госпожи Матери тяжелые важные одежды, смыла с лица краску, зажгла маленькие, пахнущие свежестью палочки. Наконец Госпожа Мать глубоко вздохнула, открыла глаза и села, поддерживаемая заботливой рукой Хэ. Слабая улыбка коснулась ее беззащитно-нежного без краски рта. Но вот ее взгляд, что-то беспокойно искавший, остановился на мне, и она горько разрыдалась. Разревелся и я, не зная, о чем и почему плачет моя добрая Госпожа Мать, но

чувствуя ее безысходную тоску и отчаяние. Хэ обняла нас обоих своими толстыми крепкими руками.

Первый раз – многое в этот день было в первый раз – я услышал, как она обратилась к Госпоже Матери по имени без почтительного поклона – «госпожа»:

– Не плачь, – уговаривала она ее, – Ли понравился. Он не может не понравиться. Все обойдется. Его не заберут от нас.

Не знаю, верила ли сама Хэ своим словам – не раз жгучая влага ее слез обжигала мою руку, но Госпожа Мать постепенно успокоилась.

– Мне хотелось бы принести жертву предкам, – сказала она еще слабым после недавних слез голосом.

– Как же вы пойдете, Госпожа? – Хэ снова была исполнена почтения. – Если я вас сейчас накрашу, нам может не хватить краски. Главная жена будет очень недовольна².

– Ничего, Хэ, я пойду так, как есть. Сейчас уже темно и нас никто не разглядит. Ты раздобудь подходящую жертву. Мне хотелось бы птичек. А я отдохну.

Пока Хэ не возвратилась, Госпожа Мать, крепко обняв меня, расспрашивала, а больше рассказывала сама о том, какое впечатление произвел на меня неожиданный визит грозного человека. Она объяснила мне, что это большая, огромная честь, что немногие знатные люди, живущие во дворце, мо-

² Речь, скорее всего, идет о ребенке, рожденном в так называемом экзогамном групповом браке, когда аристократ женился на группе близких между собой родственниц. Мать ребенка, вероятно, была одной из вторых жен – родственницей Главной жены.

гут похвастаться таким визитом, скорее всего, никто... Но на мой вопрос: – «За что мы удостоились такой чести?» – не ответила (не хотела? или не слышала моего вопроса?) и продолжала говорить о том, какие последствия, какие изменения могут произойти в нашей жизни и как мы должны гордиться и радоваться тому, что уже случилось, и тому, что еще случится. Но не было в ее голосе той радости и веселья, которые подтверждали бы ее слова. Да и мне совсем не хотелось никаких перемен – я не понимал, что такое «перемены», зачем они нужны.

Было мне хорошо и так. Но вот вернулась и Хэ. Она двумя руками придерживала одежду на груди.

– Мы можем идти, Госпожа. Я выбрала в птичнике двух подходящих птичек. Правда, не было никого, кто бы разрешил мне взять их, – совсем тихо вздохнула она.

Госпожа Мать, казалось, не слышала ее последних слов, поглощенная своими далекими мыслями.

– Да, идем-ка быстрее, – она сгорала от нетерпения, подходя со мной к двери.

– Как, Ли идет с нами? – Хэ не скрывала своего удивления. – Ему еще нельзя быть там³.

– Ты не смеешь перечить мне, – от возмущения голос Госпожи Матери перешел на шепот.

– Я ни на минуту не расстанусь с ним. Ли не останется

³ Из-за высокой детской смертности только по достижении ребенком шестилетнего возраста его считали членом семьи.

здесь один. Ты должна это понимать.

– Идем! – она еще крепче сжала мою руку.

Хэ почтительно скользнула перед нами в осторожно приоткрытую дверь.

Крадучись, почти на ощупь (Госпожа Мать опасалась зажигать огонь), затаиваясь при каждом шуме, пробрались мы в наш маленький садик. Здесь Госпожа Мать зажгла фонарик, и в его робком свете Хэ выкопала небольшую ямку прямо между корнями грушевого дерева. Потом осторожно, придерживая одежду, она передала Госпоже Матери пестренькую птичку. Госпожа Мать вытянула из своей замысловатой прически длинную острую шпильку... Хэ, неожиданно схватив меня за плечи, резко повернула к себе, и я со всей силы уткнулся лицом в ее круглый мягкий живот. От возмущения у меня перехватило дыхание: Госпожа Мать делает что-то, а я совсем ничего не вижу! Не знаю, что она там делает?!

– Хэ, я жду! – раздался приглушенный голос Госпожи Матери.

И пока неловко, одной рукой нянька доставала из-за пазухи вторую птичку и протягивала ее Госпоже Матери, я исхитрился вывернуться и отбежать за дерево. Хэ не успела ни схватить меня, ни предупредить Госпожу Мать.

Я увидел все!! Направляемая нежной слабой рукой Госпожи Матери шпилька, увенчанная прекрасным красным камнем, насквозь пронзила головку маленькой пестрой птички.

Острый конец шпильки стал цвета камня. Но этот цвет был живым, текучим, он соскользнул с острия шпильки и горячей красной капелькой упал на землю. Вслед за ней упал и комочек перьев – то, что мгновение назад было беззащитной трепещущей птичкой.

Госпожа Мать, не поднимаясь с колен, быстро и горячо стала просить духов предков заступиться, защитить нас с ней. Хэ, не теряя времени на мои поиски, скоро и аккуратно засыпала землей маленькую ямку, заровняла бугорок, небрежно бросила сверху несколько маленьких веточек⁴.

Не помню, как меня вывели из-за дерева, как мы вернулись. Скорее всего, так же осторожно, как и пришли в садик. Не помню, о чем говорили и что делали потом, у себя в комнате. Перед моим мысленным взором было маленькое, вздрогнувшее в предсмертной судороге тельце, насквозь пронзенное шпилькой моей любимой Госпожи Матери. Я страшно кричал в эту ночь. Они пытались меня разбудить и успокоить. Но я не хотел просыпаться, не хотел, чтобы они меня успокаивали.

Мне казалось, что я, как и птичка, нанизан на длинную острую шпильку. В эту ночь кончилось мое детство.

⁴ Жертвоприношение совершалось обычно в храме предков. Одним из способов передачи жертвы духам было и погребение ее в землю.

II

В эту ночь кончилось, не успев начаться, мое детство.

Утром Хэ особенно долго и тщательно одевала и украшала Госпожу Мать. Обычно в это время она болтала без умолку – что сказала или что сделала Главная жена, какую из новых наложниц удостоил своим посещением Господин, какие одежды дадут женам на праздник, чем провинился евнух.

Чаще всего меня это не очень интересовало, но иногда даже мне было что послушать – когда во Дворце принимали важных гостей или устраивали большие пиры. Госпожа Мать до мельчайших подробностей расспрашивала об одежде Главной жены, ее украшениях, прическе, Хэ особенно любила рассказывать о многочисленных кушаньях и напитках, которые подавались гостям, мне же интересно было слушать о чужих людях, об их странной одежде, удивительных привычках, а главное, о том, как они беспрекословно слушались нашего Господина, признавали его главенство.

Но сегодня ни одна из них не проронила ни звука. Лишь изредка они обменивались быстрыми вопрошающими взглядами. Даже когда они заметили, что я проснулся и наблюдаю за ними из своего уголка, Госпожа Мать не промолвила ни словечка, Хэ не бросилась ко мне, раскрыв объятия утреннего приветствия. И хорошо, что они не обращали на меня внимания, – вчерашнее посещение все не шло у меня из го-

ЛОВЫ.

Никогда еще я не видел таких важных людей – он был гораздо, гораздо важнее и красивее евнуха, а уж о Главной жене и говорить нечего! – как бы Госпожа Мать и Хэ ею ни восхищались! Интересно, зачем он приходил? и придет ли еще? Я уже почти отважился спросить об этом, как дверь распахнулась – неужели он пришел?! Госпожа Мать, освободившись от рук Хэ, сделала маленький шаг вперед.

Вошедший (я смотрел на него во все глаза из своего затененного уголка) был одет в красивые черные одежды с багрово-желтыми наколенниками⁵ и целым набором всяких интересных вещичек на поясе, плавно покачивающихся в такт его шагам. Он был не такой важный и блестящий, как тот вчерашний Господин, но, наверное, тоже очень важный – Хэ, проворно уползшая в темный уголок, не смела даже поднять головы. Господин внимательно осмотрел Госпожу Мать, даже несколько раз обошел вокруг нее – она как будто застыла в позе глубочайшего почтения, поклонился ей и негромко произнес несколько быстрых фраз. Даже через белую краску было заметно, как вспыхнули и заалели щеки Госпожи Матери, на какое-то мгновение гордо выпрямилась ее спина, но почти сразу же она склонилась перед господином в почтительном поклоне. Он же, бросив неожиданно пристальный взгляд в мой сумрачный уголок, как бы желая разглядеть ме-

⁵ Черные одежды с багрово-желтыми наколенниками – одежда привилегированных сановников.

ня, медленно и важно вышел из комнаты, увлекая за собой ждавших его у порога служителей.

Пока не закрылась дверь и не затихли вдали шаги, никто не произнес ни слова, не сделал ни одного движения. Но вот Госпожа Мать распрямилась и, быстро повернувшись, решительным жестом подозвала Хэ:

– Мы переходим в Восточные покои⁶!!!

– О, Госпожа! – страх или радость прозвучали в сдавленном вздохе Хэ? А может быть, и то, и другое вместе? – О, Госпожа, и вы не боитесь? Это же так...

– Наш Господин хочет, чтобы мы жили там. Я могу только с радостью исполнить его волю.

– Собирайся!

Тут я дернул Хэ за край одежды. Обращаться к Госпоже Матери я боялся – я всегда с трудом узнавал ее в этом торжественном обликии, да и вчерашнее ее обращение с птичкой все еще пугало и отдаляло ее от меня.

– Хэ, – спросил я, – что такое Восточные покои? Кто в них живет? Ты думаешь, что там страшно?

Хэ только успела тяжело вздохнуть.

– Ты задаешь слишком много вопросов, Ли, – голос Госпожи Матери незнакомо, повелительно звенел, – в Восточных покоях тебя научат подобающему поведению!

– А ты, – она обратилась к Хэ, пристально глядя ей в глаза, – не забывай о своем месте.

⁶ Восточные покои отводились обычно наследнику.

Если она и собиралась еще что-то сказать, то не успела – Хэ предостерегающе подняла руку, и одновременно с этим дверь широко распахнулась, как будто послушалась знака Хэ, и в комнату вошла Главная жена в окружении прислужниц. Она ответила на почтительный поклон Госпожи Матери не менее почтительным поклоном и сказала своим звучным красивым голосом о том, что она поспешила выразить свою радость и уверена, что их сестринская любовь лишь укрепитя, а пока оставляет своих прислужниц, чтобы те помогли нам собраться и перенести вещи. И, не дожидаясь ответных благодарственных слов Госпожи Матери, Главная жена величественно и плавно вышла из комнаты.

Часть из пришедших с нею прислужниц остались и начали быстро и ловко шарить по углам, собирая наши нехитрые пожитки. За все время их суетливого любопытства Госпожа Мать не проронила ни слова и не двинулась с места. Хэ крепче прижала меня к себе, прикрыв от вездесущих рыщущих взглядов полой одежды. Но вот чужие равнодушные руки увязали несколько небольших узелков, и, предводительствуемые все такой же молчаливо-безучастной Госпожой Матерью, мы покинули нашу комнату.

Пока мы шли длинными, хорошо освещенными переходами, Госпожа Мать не произнесла ни слова и ни разу не оглянулась на нас с Хэ. Хэ же прилагала все усилия, чтобы не дать никому из прислужниц Главной жены как бы ненароком подойти ко мне поближе, рассмотреть меня. Она, как

могла, опутала мою голову своей одеждой и почти тащила меня на себе, так что я не только почти ничего не видел, но и не попевал за их быстрыми, стремительными шагами – я, привыкший к медленным, осторожным шажкам Госпожи Матери, мог бы сказать, что она бежала.

И вот перед нами распахнулись высокие резные двери Восточных покоев. Как только мы вошли в большую комнату, полную веселого дневного света – в стене было целых два окна! – Госпожа Мать повелела прислужницам оставить наши вещи и возвратиться к Главной жене.

– Передайте Госпоже мою сестринскую благодарность, – добавила она. – Когда я осмотрюсь в этих покоях, я буду смиренно просить мою сестру прислать мне нужных прислужниц, – и Госпожа Мать надменно повернулась к ним спиной.

Прислужницам, видимо, было приказано не уходить и как можно дольше остаться с нами – Главной жене многое о нас хотелось узнать, но они не могли противоречить приказам Госпожи Матери, и, низко склонившись, они, пятясь, вышли из комнаты.

Как только дверь за ними плотно закрылась, Госпожа Мать увлекла нас с Хэ в низенькую, не замеченную мною ранее дверку. За ней по обе стороны узкого прохода располагались три маленькие комнатки. Мы с Госпожой Матерью остались у двери, а Хэ медленно обошла их, переходя из одной в другую. Она вернулась к нам, отрицательно качая головой, видимо, не нашла того, что искала. Теперь я остался

в уголке возле двери с Хэ, а Госпожа Мать, в свою очередь, отправилась осматривать комнаты. Но вот она знаками подозвала нас к себе, и мы вошли в дальнюю комнату.

Свет в нее проникал через маленькое оконце почти под самым потолком, но все равно она выглядела гораздо веселее и приветливее, чем та комната, в которой мы жили раньше. Мне она очень понравилась. Интересно, что искали здесь Госпожа Мать и Хэ? Но спросить я не успел.

– Принеси сюда вещи Ли, – приказала Госпожа Мать. – Это будет его комната. Я займу ту, что ближе к двери. А потом позаботься о еде.

Но Хэ едва успела принести и разложить мои вещи, как раздалось несколько мерных ударов в дверь, и прислужницы внесли в большую комнату два низеньких столика и устроили их друг против друга.

За одним столиком расположилась Госпожа Мать, второй предназначался для меня. Только когда я увидел кушанья, которыми быстро заставили наши столики, я вспомнил, что мы ничего не ели с самого утра, и почувствовал, как голоден. Но под пристальным взглядом Госпожи Матери я старался не торопиться, вести себя пристойно и повторял все ее повадки и движения. Наконец мы поели. Не знаю, наелся ли я, но устал очень – никогда еще не было передо мной столько блюд и никогда столько людей исподтишка, но пристально, не следили за мной.

Госпожа Мать повелела прислужницам удалиться, и тот-

час невесть откуда взявшаяся Хэ – ее никогда не было видно, пока мы ели, – подхватила меня на руки и отнесла в мою комнату. Я так устал от всех этих не понятных мне событий и перемен, что, хотя давно считал себя большим и не спал днем, тут же уснул, едва голова коснулась рога изголовья⁷.

Проспал я недолго. В комнате все еще было светло, хотя фонарики и не горели.

– Ты отдохнул? Вот и хорошо, – сидящая около моей постели Хэ открыла глаза.

Я никогда не знал, спит ли она или просто так сидит рядом со мной, когда бы я ни проснулся, мои глаза встречали ее любящий взгляд.

– Тебе приготовили новую одежду, надо переодеться. Госпожа Мать с учителем ждут тебя.

Мне понравилась моя новая одежда – и маленькие дракончики, как будто приветливо улыбающиеся мне на подоле юбки, и оранжевые, почти как у взрослого, наколенники! Не хватало только пояса с разными иголочками и гребешками⁸, но ничего, Хэ сказала, что и это будет, надо только подрасти.

Я так увлекся всем этим, что забыл спросить у Хэ, что такое учитель. И почему он? оно? ждет меня вместе с Госпожой Матерью, и, когда вошел, почти вбежал, в большую комнату, желая похвастаться обновками, вместо приветливого

⁷ Рог изголовья – валик, вырезанный из рога, который подкладывали под голову, отходя ко сну.

⁸ Поясные украшения являлись принадлежностью зрелого мужа.

наткнулся на предостерегающий взгляд Госпожи Матери.

Маленький человечек (я не мог решить, кто он, он не был одет ни как Господин, ни как евнух, ни как одна из жен, до этого я никогда не видел старых людей и даже не знал, что они существуют, и умел различать окружающих только по одежде, но это явно был и не прислужник, судя по тому, как он почтительно, но с достоинством поклонился), да, маленький человечек встал со своего места и почтительно приветствовал меня! От удивления и восторга я растерялся и почти попытался ответить ему поклоном, как бесцветный голос Госпожи Матери остановил меня:

– Это твой учитель, господин мой Ли. Он обязан заниматься с тобой и научить многим важным вещам. Начинай! – обратилась она к человечку.

Неожиданности одна удивительнее другой: Госпожа Мать назвала меня «господин мой Ли»!!

Да, она назвала меня так! Я ведь даже оглянулся, но в комнате, кроме нас троих, никого больше не было! Что за чудеса! Как это все понять? Но человечек уже выпрямился и жестом пригласил меня к столику, на котором были разложены новые для меня непонятные вещи.

У человечка был тихий сыпучий голос – как будто зернышки крупы, когда их пересыпаешь из одной руки в другую, – однажды Хэ разрешила мне поиграться с тем, из чего делают еду. И вот этим сыпучим голосом он начал говорить о всяких интересных вещах.

Хэ часто рассказывала и о волшебной Линь⁹, и о Белом тигре¹⁰, и, конечно (эти рассказы я любил больше всего и мог слушать бесконечно), о моем покровителе – Драконе Воздуха¹¹. Человечек же (я понял, что его имя – Учитель¹²) рассказывал о незнакомых вещах, которые он разложил на столике. Это были принадлежности для письма, и о каждой из них он рассказывал, для чего она, из чего и как сделана и как ими пользоваться.

Потом он, Учитель, начал спрашивать меня об этих вещах, и, когда я ему все подробно объяснил, странный человечек – как можно все так быстро забыть? – очень обрадовался и долго хвалил меня. Госпожа Мать тоже была довольна – она все время все слушала и, когда я растолковывал Учителю назначение его же вещей, одобрительно кивала головой. Она сказала человечку, что на сегодня, на первый раз, хватит занятий и что завтра он должен прийти для занятий с утра. Учитель еще больше обрадовался и, не переставая хвалить меня и благодарить Госпожу Мать, пятась, вышел из комнаты.

– Я горжусь тобой, – сказала мне Госпожа Мать. – Но так и должно быть – ты обязан очень прилежно учиться и очень

⁹ Линь – самка мифического Единорога. Ее появление предвещает счастье.

¹⁰ Белый тигр с черными полосами. Он не пожирает ничего живого.

¹¹ Дракон Воздуха – один из четырех великих циклических покровителей.

¹² Учитель – детей аристократов обучали основам письма, счета, правилам поведения.

хорошо вести себя. Наш Господин, который дал тебе эту красивую одежду и позволил жить в этих покоях, не должен сердиться. Надо делать все, чтобы он был доволен.

Хэ выглянула из-за приоткрытой двери: «Все готово, Госпожа».

– Идем, – Госпожа Мать крепко взяла меня за руку. Хэ юркнула за еще одну маленькую дверцу в дальнем конце комнаты. Мы с Госпожой Матерью последовали за ней. Хэ несла что-то в большом узле. Она проворно и скоро шла по полутемным запутанным переходам. Дорога, видимо, была ей знакома. Наконец мы вышли на открытый воздух.

Это был маленький садик, огражденный, как и тот наш, со всех сторон высоким забором, но, по сравнению с тем, он казался огромным. Здесь росло несколько деревьев на поросшей травой земле, был выделен участок для низкорослых зеленых растений и цветов, была даже горка из разноцветных блестящих камней.

Из всех наших новых покоев это место, ну, конечно, конечно, понравилось мне больше всего! Пока я стоял и восхищенно рассматривал этот садик, представляя, предвосхищая, как весело и интересно будет мне здесь, Госпожа Мать с Хэ, выбрав местечко на голой земле, неподалеку от каменной горки, занялись странным делом. Хэ развязала свой узел и вынула охапку веточек и палочек. Она ловко сложила их в небольшое гнездышко и осторожно подождала. Когда огонь как следует разгорелся, Хэ вытащила из узла панцирь чере-

пах и положила его сверху на горящие веточки. Госпожа Мать и Хэ не сводили внимательного взгляда с меняющего цвет, потрескивающего панциря. Вот огонь догорел, и, с трудом сдерживая нетерпение, они начали рассматривать образованный трещинами узор. Они указывали друг другу тонкими палочками на какие-то особые места и важно кивали головами. Наконец панцирь остыл, и Хэ проворно замотала его в узелок¹³. Зола от сгоревших веточек она аккуратно закопала на грядке среди цветов.

Теперь, я думал, они не рассердятся на меня, если я спрошу. И верно, Госпожа Мать ласково улыбнулась мне, а Хэ погладила по голове:

– Радуйся, молодой господин Ли (я уже почти привык, что все называют меня Господином), узор трещин предвещает хорошие перемены. Тебе сопутствует удача. Крепко держи ее, а Госпожа Мать и я постараемся уж оградить тебя от разных напастей, – и она хитренько улыбнулась. Госпожа Мать, в свою очередь, положила свою тонкую легкую руку мне на голову.

– Да, любимый господин мой Ли, начинается новая прекрасная жизнь!

¹³ *Описывается древний обряд гадания по трещинам на щите черепахи, обжигаемом на огне.*

III

«Новая прекрасная жизнь» – мне очень хотелось понять, что такое «новая жизнь»? Мы что, отложим наши жизни, которыми мы жили все это время, в сторону, и Господин даст нам новые?!

И как это – они будут прекрасными? Такие же яркие и блестящие, как одежды Господина? Или ту вкусную еду, что нам подали в первый день в этом Восточном покое, мы будем кушать каждый день?

А может быть, прилетит мой замечательный Дракон Воздуха, и я все время буду с ним вместе, и мы никогда не расстанемся?

Долго в эту первую ночь на новом месте не мог я заснуть. И не только потому, что мысли и вопросы, один интереснее, занимательнее другого, теснились в моей детской голове, наводя на новые размышления и порождая новые вопросы, – впервые в жизни я спал отдельно от Госпожи Матери. У меня, в моей комнате, мое место для сна было покрыто красивой материей с изображением прекрасных цветов и животных, а рог изголовья украшали блестящие дракончики, тускло поблескивающие в свете маленького ночного фонарика. Это был фонарик Хэ. Она сама устроилась на ночь прямо в дверном проеме и на все мои просьбы посидеть рядом со мной и рассказать какую-нибудь из любимых моих давниш-

них историй отвечала, что Госпожа запретила ей это делать и что она очень рассердится, если молодой господин Ли будет продолжать настаивать, а она, Хэ, конечно, не сможет мне отказать.

Да, точно, началась новая жизнь. Но что-то она не такая уж прекрасная. С этими мыслями, глядя на немигающий красный огонек фонарика и представляя, что это расцветает красный волшебный цветок, я незаметно для себя уснул.

Утро и несколько последующих дней не принесли каких-либо особых неожиданностей и изменений. Нет, изменения, хоть и небольшие, были. Хэ только-только успевала одеть меня, как специальный служитель (это был довольно важный, одетый в красивые одежды мужчина) приносил мне еду. Я ел один за специальным уставленным мисочками столиком. Служитель помогал мне справиться с непривычными столовыми принадлежностями и одновременно объяснял и рассказывал о том, из чего, как приготовлена еда и для чего в моем теле она полезна. Ни Госпожа Мать, ни Хэ все время, пока я ел, в комнату даже не заглядывали.

Потом приходил старичок-учитель со своими принадлежностями для письма и, постукивая длинным, из одних косточек пальцем по столику (жалко, что красная с пышным хвостом птица, нахально смотревшая на меня круглым золотым глазом с лакированной черной поверхности, успевала спрятаться под бумагами, а то бы как здорово он застучал ее этим твердым не сгибающимся пальцем!), начинал учить меня, а

потом удивлялся и радовался, когда я ему снова все это рассказывал!

И, наконец, приходила Госпожа Мать. За все это время, что я был занят, Хэ успевала одеть и раскрасить ее – мне было немного жаль, что я уже не вижу, как ловкие руки Хэ превращают мою Госпожу Мать в белолицую госпожу, но я, мне думается, понимал, что это одно из условий нашей новой жизни, – и она появлялась важная и красивая.

Мне нравилось, как учитель почтительно поднимается и низко кланяется ей, а она снисходительно справляется о моих успехах или отпускает его повелительным жестом. После этого мы оставались одни, и можно было позвать Хэ, и отправиться в садик, и там посидеть на маленькой скамеечке у ног Госпожи Матери, и послушать, о чем они негромко и неспешно говорят между собой, или немного побегать, или поваляться на зеленой траве.

Госпожа Мать больше не мучила птичек, и они с Хэ не поджаривали на огне панцирь несчастной черепахи, и я потихонечку стал забывать о том, как я ее боялся и не доверял ей. И уже не вздрагивал, когда она дотрагивалась до меня своими легкими неслышными руками. «Наверно, это и есть «прекрасная жизнь», – думал я, – Госпожа Мать спокойна и весела, Хэ не сердится и не прячет меня под полами своей одежды... Может быть... не знаю, когда я вырасту и буду Большим Господином, я тогда точно буду знать, что это такое».

Но вот как-то после еды, когда мой прислужник ушел и Госпожа Мать с Хэ вернулись в комнату, неожиданно в сопровождении целой толпы прислужниц вошла Главная жена. Мы все склонились перед ней в почтительном поклоне. Прислужницы помогли Главной жене устроиться на изукрашенной скамеечке, которую принесли с собой. И она заговорила с Госпожой Матерью ясным высоким голосом. Госпожа Мать хотела было отправить меня из комнаты, но Главная жена запротестовала: «Господин Ли – наш Господин; у нас нет от него секретов, и он может присутствовать при всех наших разговорах». По знаку Госпожи Матери я снова сел на свою скамеечку.

– Я всегда любила тебя больше всех остальных сестер и очень рада, что ты заняла подобающее тебе место, – в голосе Главной жены не было ни капли любви, а уж поверить, что она рада, и даже очень¹⁴?.. «Пффуй», – сказала бы Хэ.

¹⁴ *Скорее всего, рассказывается о негласной борьбе за власть между женами аристократа. Согласно древнему обычаю только с рождением мальчика все последующие дети признавались дочерьми и сыновьями Господина. Девочкам, рожденным до рождения первенца-наследника, в зависимости от положения их матерей предназначалась разная судьба: дочери наложниц попадали в гарем, их могли поменять или подарить дружественному господину. Дочерей жен обучали искусству вести хозяйство, рукоделию и музыке. Девочки, рожденные после рождения наследника, признавались дочерьми Господина и воспитывались и содержались соответственно этому званию – они предназначались в жены высших советников, браки с ними укрепляли важные политические союзы. Все мальчики, рожденные после первенца, признавались сыновьями Господина. Они получали соответствующее воспитание и образование. При удачных обстоятельствах каждый из них мог стать наследником Господина.*

– Теперь наша сестринская любовь и дружба только укрепятся. Я уверена, ты примешь мой небольшой дар с тем же почтением, с каким я приношу тебе его, – она хлопнула в ладоши, и три быстроглазые прислужницы склонились перед Госпожой Матерью в низжайшем поклоне.

Не знаю, чувствовала ли Госпожа Мать благодарность или почтение, но говорила она непривычно долго и, вероятно, очень устала к концу – я заметил, как Хэ внимательно следила за ней. Но следили за Госпожой Матерью и еще одни глаза, не такие преданные и любящие, они не пропускали ни одного движения, ни одного поворота головы. Даже выражение глаз – ничего не укрылось от внимательного взгляда Главной жены.

– Мне грустно видеть, что Госпожа, моя сестра, все так же хрупка и слаба здоровьем, и я приглашаю ее разделять со мной трапезу и проводить вместе часы досуга, если это не препятствует ее другим важным обязанностям, – Главная жена выжидающе молчала.

Она не отводила темные дыры глаз на белом лице от маленького личика Госпожи Матери. И Госпожа Мать своим ясным голоском сказала, что она рада визиту любимой Главной жены и ее дару, – она чуть повела глазами в сторону все еще сложенных в поклоне прислужниц, – и, конечно, с благодарностью принимает приглашение на трапезу и как-нибудь, в удобное время, обязательно им воспользуется.

Да, да, продолжала радоваться Главная Жена, конечно, в

удобное время, именно об этом идет речь, она приглашает свою любимую сестру на трапезу каждый день. Это самое удобное и подходящее время. Она уверена, что ее любимая сестра будет очень довольна.

Главная жена медленно поднялась и величественно вышла из комнаты. Госпожа Мать лишь молча склонилась в поклоне. Хэ тихонечко кашлянула. Госпожа Мать вспомнила о новых прислужницах.

– Вы можете встать. Хэ, устрой их в той пустой комнате, – сказала она. Прислужницы, низко поклонившись, вслед за Хэ неохотно вышли из комнаты. Госпожа Мать подошла ко мне.

– Как быстро она пришла. Я надеялась, что мы больше времени проведем вместе. Запомни, что я тебя очень люблю, – Госпожа Мать никогда не говорила со мной таким голосом.

Мне хотелось утешить и успокоить ее, я чувствовал, хотя и не понимал, почему, что она очень испугана, но не успел – Хэ вернулась в комнату. Госпожа Мать гордо выпрямилась.

– Идемте, – она кивнула в сторону дверки, ведущей в садик. Хэ устроила Госпожу Мать среди красивых вышитых материй, под ноги поставила ей маленькую скамеечку.

– Я хочу, чтобы ты всегда оставалась с господином Ли, – обратилась к ней Госпожа Мать. Она не выпускала моей руки и пристально смотрела в лицо Хэ, – я готова к самому худшему.

– Госпожа моя, – Хэ опустилась перед Госпожой Матерью на колени. – Госпожа моя, не...

Дверка распахнулась – одна из новых прислужниц почти вбежала в садик, бросая любопытные взгляды по сторонам. Она тут же склонилась в поклоне.

– Госпожа, мы так испугались, когда нигде не нашли тебя. Мы твои смиренные тени! Так не покидай нас!

Мне казалось, что из-под низко опущенной головы прислужницы нет-нет да блеснет любопытный глаз. Я сразу почему-то невзлюбил эту женщину.

– Благодарю тебя за преданность, – голос Госпожи Матери звучал ровно, равнодушно. – Я обязательно передам моей сестре – Главной жене, что ты верная прислужница.

И все мы молча, один за другим – я позади Госпожи Матери – вернулись в наши покои. В этот вечер, хотя Хэ как обычно устроилась на ночь на пороге моей комнаты, я даже не стал просить ее поговорить со мной. Я думал о том, что сегодня произошло. Я хотел понять вещи, не доступные моему детскому пониманию.

Происходило что-то, что вызывало мое любопытство и одновременно пугало. Я знал, что Главная жена – самая главная. Но никогда никто не говорил мне, что она сестра Госпожи Матери. А если она сестра и говорит, что любит Госпожу Мать, то почему Госпожа Мать чего-то опасается... нет, скорее, боится ее¹⁵? И эти прислужницы, которые всюду ходят

¹⁵ Мать первенца-наследника, если им обоим удавалось дожить до этого, ста-

за нами, – зачем они? Нам они не нужны, нам и с Хэ очень даже хорошо.

Я думал еще о том, как бы мне попросить моего Покровителя – Дракона Воздуха – помочь нам. Я представлял, как он поднимает нас троих на своих огромных, прозрачных, блистающих крылах и уносит в по-настоящему прекрасную жизнь. Эти картины были так яркие, так реальны, что когда поутру я проснулся на своем ложе, в своей комнате, то от горечи разочарования и тоски по несбывшемуся разрыдался, разрыдался безутешно, бурно. Бедняжке Хэ с трудом удалось успокоить меня.

– Господин мой Ли, они приставят к вам других прислужников, если вы не перестанете плакать. Они накажут меня, потому что я плохо за вами ухаживаю, – только эти слова моей бедной Хэ, с трудом пробившиеся через обиду детского неприятия несоответствия мечты и действительности, слезливой жалости к себе, заставили меня подавить рыдания и постепенно успокоиться. Но в комнату уже вбежала одна из новых прислужниц.

– Что случилось? Ты посмела обидеть Господина?! – набросилась она на Хэ. Та, защищаясь, прикрыла двумя руками голову.

новилась Матерью Господина-Правителя со всей полнотой власти и влияния. Главная жена, если ей не удавалось родить младенца мужского пола, постепенно утрачивала власть и влияние. В случае неизлечимой болезни или смерти матери наследника она, как Главная жена и сестра последней, приобретала права опекуна, а затем официально признавалась матерью наследника.

Я подпрыгнул и изо всей силы вцепился в плохую женщину.

– Оставь ее! Ты не смеешь!! – вопил я.

Госпожа Мать и еще две прислужницы вбежали в комнату. Они с трудом разжали мои пальцы – в них остался клочок волос и кусочек ткани. Госпожа Мать обняла меня за трясущиеся плечи, зубы мои стучали, не позволяя успокоительной жидкости влиться в рот.

Наконец я немного успокоился. Госпожа Мать внимательно осмотрела меня.

– Что случилось, господин мой Ли?

– Мне, мне приснился страшный сон, – сам не знаю, как эти слова сорвались у меня с языка, – и Хэ утешала меня. А эта, эта... – я снова начал плакать и вздрагивать... – она была Хэ!!

В комнату стремительно вошла Главная Жена.

– Что здесь происходит? Кто посмел обидеть господина Ли? – она как-то очутилась между мной и Госпожой Матерью.

– Госпожа, сестра моя, – не одетая и не покрашенная Госпожа Мать была совсем маленькой и хрупкой рядом с великолепной Главной женой. И лицо ее, не защищенное маской краски лицо, отражало все владеющие ею чувства.

– Господину нашему Ли приснился страшный сон, – она бесстрашно смотрела на Главную жену, защищая меня маленьким легким телом. – Новая прислужница не поняла, что

Хэ утешает нашего Господина, и поднялся совсем ненужный неприличный шум. Я обещаю вам, любимая Сестра, во всем разобраться и наказать виновных. Я благодарна вам за вашу заботу о господине нашем Ли, – и она склонилась в поклоне, а потом, поставив меня перед собой, добавила: – И он тоже благодарен вам.

И я поклонился. Мне кажется, что Главная жена была чем-то недовольна, но она только посмотрела на нас и сказала:

– Очень надеюсь, что это больше не повторится – у господина нашего не будет причин сердиться. И ты, моя любимая сестра, примерно всех накажешь.

Главная жена в окружении прислужниц вышла из комнаты.

– Сейчас вы поможете мне одеться, – каким-то тусклым беззвучным голосом сказала Госпожа Мать, – а потом я определю вам наказание. Господин мой Ли, я думаю, что тебе уже принесли еду. Я желаю тебе хорошего дня.

И меня выпроводили в большую комнату, где важный прислужник уже суетился у столика, заставленного яствами. Мне совсем не хотелось есть. Наоборот, меня почти тошнило от вида и запаха еды, и, выпив немного супа, я отказался проглотить хоть что-то еще. Прислужник был недоволен мной. Но почему-то, я до конца не понимал, почему, не мог противиться мне, хотя я был мальчиком, а он совсем взрослым мужчиной с такими разными красивыми штучками на

поясе, и, молча поклонившись, retirовался.

Столик с едой убрали, и появившийся как по команде учитель после многочисленных поклонов и пожеланий попытался привлечь мое внимание к своему стучащему пальцу и разным премудростям приветствий. Но события сегодняшнего утра вызвали к жизни много вопросов и недоумений.

– Ты приставлен ко мне, чтобы все объяснять? – неожиданно для него обратился я к учителю.

– Да, господин мой, это мой долг, – гордо ответил он, почтительно кланаясь.

– А раз так, объясни мне, за что та женщина хотела бить Хэ, почему пришла Главная жена и зачем и как Госпожа Мать будет их наказывать??

Маленькая бородка учителя – я никогда не видел людей с волосами на лице, и сам же учитель объяснил мне, как это называется, и волею предков бывает только на лице мужчин, – легко затряслась, он закрыл глаза и с глубоким поклоном ответил мне, что есть вещи, не доступные его пониманию, и он никак не может ответить на вопросы господина, и предложил мне заняться написанием – я уже знал, для чего нужны эти смешные букашки. Я очень рассердился, я чувствовал, что учитель просто не хочет рассказывать мне и объяснять какие-то неизвестные взрослые дела, и даже почти закричал на него и затопал ногами – мне хотелось прогнать его, но в последний миг я уловил его взгляд! У этого старого человечка-учителя было то же выражение глаз, что

и у моей бедной Хэ! – они просили, они умоляли.

Я так и застыл с открытым ртом – ни один звук не вырвался из моего ставшего почему-то узким и сухим горла. Если я закричу на него, вдруг все соберутся, и Главная жена скажет Госпоже Матери, что господина Ли опять рассердили, и теперь она сама будет всех наказывать?! Может быть, накажут не только учителя, но и меня с Госпожой Матерью?!!

Учитель, видимо, что-то прочел в моих глазах, уловил, как изменилось мое лицо. Он молча прикрыл веками свои глубоко посаженные глаза. Я с трудом проглотил слюну.

– Ты прав, учитель, покажи мне буквы.

Пока в комнату не вошла одетая и накрашенная Госпожа Мать, учитель молча раскладывал передо мной буквы, а я молча смотрел на узоры забавных значков.

– Я восхищаюсь господином нашим, – сказал учитель, отвечая на вопрос Госпожи Матери, – он делает удивительные успехи, – и, низко-низко поклонившись нам, пятясь, вышел из комнаты.

Госпожа Мать улыбнулась мне грустными глазами.

– Я должна идти к Главной жене, – она чуть слышно вздохнула, – ты проведешь время в садике с Хэ. Будь благополучен, господин мой Ли!

На звук ее колокольчика вошли две разряженные прислужницы и, низко поклонившись мне, вышли вслед за Госпожой Матерью из комнаты. Мне не пришлось долго ждать. Как только дверь за ними закрылась, появилась Хэ. Я обра-

дованно кинулся к ней, но она только низко склонила голову.
– Идемте, мой господин.

Шла она как-то необычно – медленно, как будто с трудом переставляя свои коротенькие ножки. Ну, вот мы и добрались до садика. Все здесь радовало меня: и деревья, отягощенные спелыми плодами, и веселые птички, и зеленая трава, а главное, небо с белыми пышными облаками.

Не дожидаясь разрешения Хэ, я с размаху шлепнулся на траву – было так приятно покататься по зеленому пахучему ковру, а потом, перевернувшись на спину, вглядываться в непрерывно меняющиеся картины облаков: вот большой прекрасный дворец, я видел его на одном рисунке у учителя, он гордо плывет в ясном небе, теряя потихоньку то высокую крышу, то широкое крыльцо, незаметно из остатков крыши выросла большая важная птица с длинным, растворяющимся в высоте хвостом, а лестница? На ее месте заколыхалась целая роща веселых кудрявых деревьев. Где же дворец? Он распался. Разделился на две части – два огромных, страшных в своей ярости Единорога направили друг на друга отягощенные воздушной влагой рога! Ах!

Мое сердце замерло, затрепетало: «Как, кто победит в этом поединке равных?!». Но резкий неожиданный порыв ветра спутал, перемешал все картины. И теперь маленькие юркие лодочки да неизвестные мне зверюшки с длинными волнистыми шеями, с хвостами и бородами, с длинными ушами, короткими, длинными лапами весело гнались друг

за другом, быстро и незаметно превращаясь один в другого, теряя или приобретая лапы, головы, хвосты, уши.

Что же там, в вышине, происходит? Кто гонит, подгоняет их всех? Неужели? Да, конечно, это он, мой Покровитель! Вот позолоченное солнцем легкое прозрачное крыло, вот еще немного – и яркие горячие глаза посылают свои лучи прямо в мои широко распахнутые жаждущие глаза.

– Господин мой, проснитесь! Нельзя спать лицом к солнцу.

– Я не сплю, глупая, – я сел, стараясь в ярких блестящих кругах, слепящих мои глаза, различить Хэ. Наконец, моргнув несколько раз и вытерев неизвестно откуда взявшиеся слезы, я увидел ее странно перекошенную фигуру. – Я совсем не спал. Ты помешала мне. Вот-вот я бы увидел Его!

Хэ еще больше сжалась и опустила голову.

– Господин Ли простит меня?

– Ну, конечно, Хэ. Почему ты не подходишь ко мне? Сядь рядом, давай вместе разгадывать облака!

Хэ молча отрицательно покачала головой. Я подошел к ней, хотел взять за руку, заглянуть в добрые глаза. Хэ отняла руку, отвела взгляд.

– Что случилось? Ты не хочешь разговаривать? Тебя кто-то обидел? – она еще ниже опустила голову, по ее щеке ползла слеза.

– Не может быть!! Кто посмел тебя обидеть?! Почему ты не скажешь Госпоже Матери? Она вступится за тебя!

Я думал, что нельзя ниже опустить голову, но Хэ как-то так спрятала свое лицо между высоко поднятых плеч, что я совсем не мог разглядеть его...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.